

Эти слова прозвучали так, будто он говорил с кем-то другим, словно его волновало то чувство, которое Гу Цзюэ питал к нему.

Однако в глубине души Гу Цзюэ ясно осознавал: разве Сяо Юй мог дорожить его чувствами? С самого начала ему было на них плевать, и сейчас — тем более. Если бы он хоть немного заботился, стал бы он изводить его, когда тот так тяжело болен?

В следующее мгновение его лицо грубо сжали, заставляя поднять голову. Сяо Юй принудил его смотреть прямо на себя:

— Гу Цзюэ! Это ты поддался чувствам, это ты позволил своему сердцу дрогнуть, это ты твердил, что в душе у тебя есть я. Раз уж ты сам всё начал, то с какой стати теперь имеешь наглость говорить, что не любишь? Как бы я с тобой ни обходился — это то, что ты заслужил!

Гу Цзюэ никогда раньше не видел столь бессердечного человека, который бы так открыто заботился лишь о собственных интересах. В одночасье он даже забыл, почему когда-то отдал своё сердце Сяо Юю, как вообще умудрился полюбить такого бездушного человека и как мог с такой уверенностью верить, что, войдя во дворец, однажды добьётся взаимности?

Сяо Юй казался человеком без сердца... нет, возможно, дело было не в отсутствии сердца, а в том, что его сердце умерло вместе с Гу Ляньюэ и больше не могло биться ни для кого другого.

Только что выплеснув всё наружу, Гу Цзюэ теперь напоминал угасший уголёк:

— Да, Ваше Величество правы. Как бы вы ни обходились со своим слугой, всё это я заслужил.

Такое отношение! В нём не было ни капли раскаяния за сказанные слова!

Сяо Юй пришёл в такую ярость, какой не испытывал никогда прежде. Он так сильно сжал золотую маску на лице Гу Цзюэ, что та едва не деформировалась.

Ощущая силу, с которой Сяо Юй впился в маску, Гу Цзюэ окончательно распрощался с мыслью, что тому дороги его чувства. Он был удивлён гневом императора: если ему безразличны его чувства, к чему так беситься?

Может, дело в его тоне?

Вероятно, так оно и было, подумал Гу Цзюэ. Он выразился слишком прямо.

Сяо Юй всё-таки император. У Гу Цзюэ была гордость, но и у Сяо Юя она тоже была. Сказав, что он его не любит, он как будто пренебрёг им, отверг его. Это было похоже на отношения между мужчиной и женщиной: одно дело, когда муж разводится с женой, потому что она ему

разонравилась, и совсем другое — когда жена сама просит о расторжении брака, пока муж её не прогнал.

Вероятно, Сяо Юй почувствовал, что его уязвили?

Только Гу Цзюэ об этом подумал, как внезапно почувствовал холод на лице — маску сорвали!

Он инстинктивно прикрыл рот и нос рукой, отшатнувшись назад.

Совершив это движение, Гу Цзюэ широко раскрыл глаза от недоверия, его сердце болезненно сжалось. Он даже не успел подумать — тело среагировало само, боясь причинить ему вред. Даже после того, как он признался в ненависти и отсутствии любви, его тело по-прежнему выдавало его истинные чувства.

Увидев этот жест, Сяо Юй с его налитыми кровью глазами на мгновение замер. Его неистовый гнев словно окатило холодной водой.

Он смотрел на Гу Цзюэ. Его руки стали такими тонкими, в глазах прикрывавшего рот юноши застыло изумление. Уголки губ Сяо Юя медленно поползли вверх:

— Разве ты не хотел разлюбить меня? Разве не хотел перестать выворачивать душу наизнанку? Тогда чего ты прикрываешь рот? Разве не лучше было бы заразить меня?

Гу Цзюэ вздрогнул, совершенно не понимая, что всё это значит.

— Ваше Величество — император Тяньци, слуга не может позволить себе совершить преступление против вас.

Только потому, что он император Тяньци, он боится навлечь на себя вину? Вот почему он так инстинктивно отпрянул?

Сяо Юй вдруг что-то вспомнил, и его улыбка моментально погасла:

— Значит, ты сделал это из страха, что я заражусь, а потом это ударит по Синину, по твоей семье?

Гу Цзюэ поджал губы. Боялся ли он за Синин и семью или это было неосознанное движение? Сейчас он не хотел ничего объяснять:

— Да.

Спокойствие, которое только что начало возвращаться к Сяо Юю, было мгновенно разрушено этим коротким словом. Он рассмеялся от ярости:

— Хорошо, очень хорошо. Разлюбил меня, так теперь даже чай подать не можешь, зато научился заигрывать с другими.

Последние слова он произнёс сквозь зубы, но добавил:

— Это даже к лучшему.

Гу Цзюэ не понимал, почему тот снова впал в бешенство, но у него возникло скверное предчувствие, которое, как всегда, оправдалось очень быстро.

Сяо Юй приказал:

— Ван Хай!

Ван Хай вошёл в покои.

Сяо Юй безразлично бросил ему:

— Сходи во Дворец Чжаоян, принеси прах того слуги.

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар:

— Нет!

Он помнил, что Сяо Юй не только угрожал безопасности его семьи, но и грозился развеять прах Хуашэна!

Хуашэн погиб из-за него! Тогда, боясь, что прах выбросят в высохший колодец во дворце, он отдал всё ценное, что у него было, чтобы выкупить его у надсмотрщика. Он был в долгу перед Хуашэном целой жизнью.

Он бросился к Сяо Юю, вцепившись в рукав его халата:

— Нет! Умоляю, Ваше Величество, не надо! Это я виноват, я забыл, что принадлежу вам, мне следовало подчиниться. Накажите меня, только не трогайте его прах!

Ван Хай не стал слушать Гу Цзюэ и поспешил исполнить приказ.

Сяо Юй, видя мольбу на его лице, не только не смягчился, но и помрачнел ещё сильнее.

Впервые Гу Цзюэ встал перед ним на колени только после смерти Хуашэна. До того как его заперли, он был полон жизни, но за полгода заточения угас, заболел чахоткой, и его характер изменился до неузнаваемости. Он покорно опускался на колени и называл себя слугой, словно тот дерзкий юный господин из клана Гу навсегда исчез вместе с тем слугой по имени Хуашэн!

Сяо Юй рассмеялся от ярости:

— Я лишь хотел показать тебе, что ты стал непослушным. Послушание — твой долг, но ты, похоже, совершенно не понимаешь своего нынешнего положения. Раз за разом ты испытываешь моё терпение. Неужели ты думаешь, что я лишь сотрясаю воздух пустыми угрозами?

Гу Цзюэ был ошеломлён. С тех пор как он пришёл в себя после того, как харкал кровью, он согласился на всё, что требовал Сяо Юй, и когда тот приказал ему стать евнухом, он смиренно подчинился.

— Слуга... — Гу Цзюэ запнулся. В этот момент Ван Хай принёс прах Хуашэна.

Это был серый кувшин, самый простой, без изысков. Хуашэн всё время находился в этом сосуде. Во дворце было запрещено поминать мёртвых, да и курительные палочки не были в ходу. После смерти Хуашэна Гу Цзюэ прятал прах в тайном месте, но теперь Ван Хай его нашёл.

Ван Хай почтительно стоял рядом с Сяо Юем, держа кувшин в руках. Сяо Юй лишь мельком взглянул на сосуд с явным отвращением и холодно приказал стоящему на коленях Гу Цзюэ:

— Мне не нужен слуга, которому нужно напоминать о том, чтобы подать чаю. Раз уж ты надел одежду евнуха, выполняй свои обязанности покорно. Отныне любые мои нужды в Зале Цяньюань будешь удовлетворять ты! Если хоть что-то будет не по мне, я развею его прах!

Он усмехнулся, в его глазах светилась злоба, а голос звучал с нескрываемой ненавистью:

— Раз ты так дорожишь этим слугой, то должен знать обязанности слуги и мужской наложницы!

Любые нужды в Зале Цяньюань будешь удовлетворять ты!

Смысл этих слов был ясен как день. Он напоминал ему, что кроме как слугой, он остаётся его мужской наложницей. Ровно так же, как он напоминал ему, что тот принадлежит ему, и потому должен сопротивляться другим.

Обязанности наложницы включали запрет на прикосновения других людей, а обязанности слуги — всецелое служение хозяину.

Гу Цзюэ смотрел на кувшин в руках Ван Хая, его лицо стало мертвенно-бледным:

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Сказав это, Гу Цзюэ почувствовал внутри пустоту.

Если раньше, когда он пришёл в себя и согласился на всё, в нём ещё теплились собственные мысли и он всё ещё реагировал на действия Сяо Юя, то с этого момента он был лишь его мужской наложницей, лишь его рабом. Как Сяо Юй дал ему имя Сяо Юйцзы, так с сегодняшнего дня, находясь перед ним, он начнёт постепенно стирать себя прежнего, становясь лишь его слугой.

Сяо Юй добился своего, но, видя пустоту в глазах Гу Цзюэ, в его сердце снова вспыхнуло знакомое раздражение. Он всегда умел контролировать свои эмоции, но рядом с Гу Цзюэ постоянно терял самообладание. Он сопротивлялся — и это не радовало, он подчинялся — и это тоже было не по душе!

Этот Гу Цзюэ словно был рождён, чтобы быть его проклятием!

Но если действительно отпустить его, чтобы не видеть?

Сяо Юй сжал челюсти, глядя на полуобнажённого юношу, стоящего перед ним на коленях. Ни за что!

После этого дня все во дворце узнали, что рядом с Сяо Юем появился евнух в золотой маске. Он следовал за императором повсюду и, кроме как прислуживать ему, ничем больше не занимался.

Во дворце все стремились услужить тем, кто имел доступ к императору. Даже главная наложница Гуйфэй выказывала уважение главному евнуху Ван Хаю. Откуда же взялся этот странный слуга, не привлекая всеобщего внимания?

Как ни пытались люди разузнать, никто не мог понять, откуда он взялся. Знали лишь, что его зовут Сяо Юйцзы, и больше ничего. Он был неразлучен с императором, так что даже те, кто хотел подкупить его или сунуть серебра, не находили ни единого шанса.

В то же время Зал Цяньюань стал запретной зоной, куда даже главный евнух Ван Хай не мог войти без позволения.

Хотя Зал Цяньюань изначально был местом, где император решал государственные дела, там всегда были слуги. Но с приходом Сяо Юйцзы туда перестал заходить никто, кроме него самого. Со временем при дворе поползли и другие слухи: дескать, этот слуга, хоть и выглядит как евнух, на самом деле им не является. Мол, он — заложник прихотей Вашего Величества, и государь настолько к нему привязался, что держит при себе, не желая отпускать ни на шаг.

Время летело быстро, словно белая лошадь, промелькнувшая в щели забора.

Минул месяц. За это время не произошло ничего значительного: дело об отравлении наложницы Ли, которое поначалу наделало столько шума, закончилось лишь тем, что казнили несколько слуг, так и не найдя настоящего зачинщика.

День выдался погожим, небо было чистым и безоблачным. У входа в Зал Цяньюань дежурил главный евнух Ван Хай, остальные слуги держались на почтительном расстоянии. Ван Хай стоял там, где был обязан слышать указания императора, а значит, неизбежно улавливал и те звуки, которые слышать не следовало.

Зал Цяньюань был местом для государственных дел, но в последнее время у императора появилось новое увлечение.

Рядом с рабочим столом поставили кушетку, и сейчас на ней, опустившись на колени, замер Гу Цзюэ. В его глазах блеснули слезы, он закусил губу, чтобы не издать ни звука, и неотрывно следил за песочными часами на столе Сяо Юя.

Эти часы появились здесь недавно — для измерения времени. Конечно, не для работы Сяо Юя, а для того, чтобы отсчитывать время, необходимое для растворения лекарства внутри тела Гу Цзюэ.

Полгода назад болезнь Гу Цзюэ обострилась, поднялся жар, отвары почти не помогали, и лекари придумали новый метод: лекарство вводили внутрь. С тех пор каждый день был такой час, когда Гу Цзюэ был вынужден лежать в подобной позе, ожидая, пока лекарство подействует.

Как только песок в часах иссяк, Гу Цзюэ осторожно поднялся и почтительно произнес:

— Ваше Величество, время вышло.

Сяо Юй обернулся и взглянул на него:

— Подойди.

Гу Цзюэ медленно подошел и сел в объятия Сяо Юя. Непонятно почему, но за последние полмесяца Сяо Юю полюбилось подобное: занимаясь государственными бумагами, он постоянно обнимал его или рассеянно поглаживал. Гу Цзюэ опускал взгляд и позволял делать

с собой что угодно, не проронив ни слова, пока Сяо Юй не заканчивал дела.

Словно желая расслабиться, Сяо Юй прижался подбородком к плечу Гу Цзюэ и потерся о него. Подобная близость раньше показалась бы Гу Цзюэ чем-то немыслимым, но с того дня, как Сяо Юй потребовал от него исполнять долг слуги и наложника, Гу Цзюэ начал прислуживать ему с прежней тщательностью, и отношение Сяо Юя становилось всё более нежным.

Гу Цзюэ не понимал, почему так происходит, но долго размышляя, пришел к выводу, что Сяо Юй, вероятно, воспринимает его как домашнее животное или безделушку, с которой можно забавляться, как вздумается. Поначалу он цепенел, но стоило вспомнить угрозу Сяо Юя развеять прах Хуашэна, как он тут же расслаблялся. Со временем он даже привык.

Два человека, между которыми не было никаких чувств, — после бывшего пыла Гу Цзюэ в начале их знакомства, теперь, когда один стал слугой, а другой хозяином, между ними установилось некое странное равновесие и гармония.

Сяо Юй вдохнул едва уловимый аромат лекарств, исходящий от Гу Цзюэ, и провел рукой по его талии:

— Ты немного поправился.

Гу Цзюэ смутился:

— Раб в последнее время стал больше есть.

И правда, больше. Сяо Юй, по-видимому, твердо вознамерился не дать ему умереть: лекари проверяли пульс ежедневно, а если Гу Цзюэ съедал хоть немного меньше положенного, это было недопустимо. И хотя ел он не вместе с Сяо Юем, а то, что оставалось с императорского стола, эта еда была несопоставима с тем, что он получал во Дворце Чжаоян. За этот месяц он действительно прибавил в весе.

Сяо Юй с прищуром посмотрел на него и вдруг сказал:

— А знаешь ли ты, что сегодня твой старший брат прибыл в Столицу?

Расслабленное тело Гу Цзюэ мгновенно напряглось, в глазах отразился ужас.

Сяо Юй, еще секунду назад обнимавший его, при виде этого выражения лица помрачнел и резко разжал руки. Гу Цзюэ почувствовал, как теряет опору, а затем от боли, ударившись о пол. Но он не думал о собственной боли — он поспешно подполз к Сяо Юю и схватился за подол его халата:

— Ваше Величество, раб все эти дни был послушен и ни в чем не смел противоречить Вам.

Сяо Юй, который в последнее время уже привык слышать от Гу Цзюэ обращения в третьем

лице, сейчас скрипнул зубами. Он резко оттолкнул руку Гу Цзюэ:

— Раз ты так просишь, я обязательно должен с ним встретиться.

У Гу Цзюэ внутри все оборвалось. Он хотел снова схватиться за подол, но Сяо Юй уже встал и стремительно вышел. Гу Цзюэ вскочил с пола и бросился за ним, но путь ему преградил Ван Хай:

— Господин, сейчас Ваше Величество не желает видеть вас рядом. Прошу, оставайтесь в Зале Цяньюань и ждите возвращения государя.

Гу Цзюэ задрожал:

— Евнух Ван, прошу вас, умоляю, выпустите меня!

Ван Хай с сочувствием посмотрел на него:

— Господин, я лишь слуга, я не могу принимать такие решения. Вы ведь знаете нрав Вашего Величества — если государь что-то сказал, разве он возьмет слова назад?

И правда, если Сяо Юй что-то сказал, разве он отступит? Он действительно довел принцип императорского слова до предела.

Гу Цзюэ был запуган Сяо Юем до смерти, а с тех пор, как прах Хуашэна оказался в руках Ван Хая, он и вовсе лишился защиты. Теперь, когда приехал брат, что Сяо Юй может с ним сотворить?

Гу Цзюэ сгорал от беспокойства, но не мог покинуть Зал Цяньюань. Если он пойдет напролом, Сяо Юй решит, что он бунтует — и тогда, даже если изначально он не собирался причинять Гу Мину вреда, он может сделать это назло.

Он метался из угла в угол, чувствуя собственное бессилие. Его руки были столь слабы, что не могли ничего удержать — оставалось лишь умолять Сяо Юя о милости. Раньше его унижение было лишь внешним, в жестах, теперь же он весь, целиком, был втоптан в пыль.

Вскоре Ван Хай ушел, но Гу Цзюэ по-прежнему не мог выйти. Он растерянно стоял у входа в Зал Цяньюань, когда к нему подошел незнакомый слуга:

— Господин, Ваше Величество вызывает вас, следуйте за мной.

Гу Цзюэ опешил, но не стал раздумывать, почему Сяо Юй сначала запретил ему выходить, а теперь зовет — он тут же последовал за слугой.

Поскольку он шел по приказу императора, стражники не преградили ему путь. Он быстро шагал за евнухом, но вскоре почувствовал неладное.

Гу Мин — человек из Синина, если Сяо Юй и вызвал его, то точно не в глубине женской половины дворца. Сердце Гу Цзюэ терзали сомнения, но когда они достигли Императорского сада, евнух сказал:

— Господин, подождите здесь.

Сказав это, он развернулся и ушел. Гу Цзюэ в изумлении уставился на дерево османтуса — то самое, под которым он когда-то хотел покончить с собой.

Внезапно его осенило. Он посмотрел на искусственную гору и увидел там фигуру. Гу Цзюэ замер, словно вернувшись в тот день.

Человек спрыгнул с горы. Те же парчовые синие одежды, та же маска — кто это мог быть, если не Сяо Чунь!

В голове сверкнула молния, и Гу Цзюэ осознал:

— Это не Ваше Величество меня вызывал!

Сяо Чунь уже стоял перед ним. Он вскинул брови:

— Не он? Ты разочарован?

Гу Цзюэ не мог даже представить, что сделает Сяо Юй, если узнает, что он ослушался приказа не покидать Зал Цяньюань. В этот миг у него была лишь одна мысль: вернуться! Скорее вернуться, пока его не обнаружили!

Он развернулся, собираясь бежать, но Сяо Чунь схватил его за запястье. Гу Цзюэ попытался вырваться, но его держали крепко, он даже не мог пошевелиться. Сквозь зубы он процедил:

— Отпусти!

Сяо Чунь не разжал руки и холодно произнес:

— Я думал, ты поблагодаришь меня за то, что я вытащил тебя из Зала Цяньюань. Что такое? За месяц тренировок ты окончательно приручен? Где же твоя бывшая строптивость? Со мной ты смел проявлять характер, а перед ним — покорный раб? Гу Цзюэ, ты выглядишь жалко.

При первой встрече Сяо Чунь точно так же колот его словами прямо в сердце, и теперь, встретившись здесь, он использовал тот же тон, что заставляло чувствовать себя так, будто они встретились впервые.

Но состояние души Гу Цзюэ было иным:

— Какая разница, жалок я или нет? Это мое дело, тебя не касается. Отпусти меня, я должен

вернуться!

Сяо Чунь, глядя на то, как Гу Цзюэ отчаянно пытается вырваться, добавил:

— А если я скажу, что это твой брат попросил меня увидеться с тобой, ты все еще хочешь уйти?

Гу Цзюэ остолбенел:

— Не может быть!

Сяо Чунь спросил:

— Почему не может?

Тон его был небрежным, и, говоря это, он вытащил что-то из-за пазухи.

Зрачки Гу Цзюэ сузились. Он поспешно взял предмет из рук Сяо Чуня и внимательно осмотрел. Это был нефритовый кулон — он знал его до мельчайших подробностей. Это был подарок на день рождения, который он сам вырезал для брата. Каждый след на этом кулоне был сделан его рукой, никто другой не смог бы подделать его.

Гу Цзюэ с недоверием посмотрел на Сяо Чуня:

— Как эта вещь оказалась у тебя?

Сяо Чунь сложил руки на груди и негромко произнес:

— Я же сказал: твой брат попросил меня увидеться с тобой.

Гу Цзюэ был в смятении, но все же спросил:

— Вы знакомы? Он просил тебя передать что-то или... или вы заключили какую-то сделку?

<http://bllate.org/book/21167/2144649>